

Город Суйнань.

Это было царство воды: бесчисленные каналы прихотливо извивались между жилыми кварталами, а вдоль берегов теснились уютные двухэтажные домики.

Местные жители знали толк в отдыхе, поэтому на самых оживленных улицах чайные лавки стояли едва ли не вплотную друг к другу. Чэн Муюнь устроился на втором этаже одного из таких заведений. Место у окна было идеальным — отсюда весь людской поток, текущий по мостовой, был как на ладони.

Он приходил сюда семь дней подряд. Если бы не ученическое одеяние ордена Тайсюань и та особая аура безмятежности, что отличает истинных даосов, хозяин заведения наверняка уже позвал бы стражу, заподозрив неладное.

Чэн Муюнь сидел с безупречной осанкой, неспешно поднося чашу к губам.

«Система, вы вообще в своем уме? — мысленно осведомился он. — На вас можно положиться?»

В этот город его привела функция автопоиска. Как утверждала Система, группа планирования в экстренном порядке обновила программное обеспечение, добавив возможность отслеживать ключевых персонажей даже в условиях тотального краха сюжета.

Однако из-за того, что история была истерзана до неузнаваемости, а новая функция внедрялась в спешке, Муюню пришлось полмесяца рыскать по округе, прежде чем удалось сузить радиус поисков. Прибыв в Суйнань, он понял, что теперь остается только одно — ждать.

«Наберись терпения, — отозвалась Система. — Ты же сам говорил, что для практика годы летят незаметно»

«Я Хэ Юаня боюсь, — признался Чэн Муюнь. — Как вспомню тот секрет, что увидел в тайной комнате... Эх...»

«Разве ты не уверял, что Хэ Юань проспит еще как минимум несколько месяцев?»

«Это же главный герой, у них всё вечно идет не по плану. К счастью, я оставил в той комнате "сюрприз". Даже если он что-то заподозрит, мою истинную личность так просто не раскроет»

Система только собиралась уточнить, о каком «сюрпризе» идет речь, как в её коде произошел резкий скачок.

[Внимание: Обнаружен ключевой персонаж]

[Пожалуйста, будьте бдительны]

Муюнь внутренне возликовал. Он слегка подался вперед, вглядываясь в толпу, и вскоре заметил ту, на кого указывал маркер — перерождение главной героини.

«Наконец-то. Моя шкала прогресса, я иду к тебе!»

Но, разглядев цель поближе, он погрузился в тягостное молчание.

«Система... И вот это, по-твоему, та самая душа, которая должна наладить личную жизнь Хэ Юаня?»

«Согласно данным... да», — неуверенно подтвердила та.

«Вам не кажется, что это уже какой-то перебор?»

В поле зрения Чэн Муюня находилась маленькая девочка лет пяти. С забавными пучками-рожками на голове, она весело вприпрыжку бежала по улице, сжимая в ручонке палочку с засахаренным боярышником.

«Ну, она же вырастет, верно? — попыталась оправдаться Система. — Когда ты подобрал Хэ Юаня, он был примерно такого же возраста»

«Боюсь, моё прикрытие развалится раньше, чем она научится заплетать косы. Слушай, а если я подстрою всё так, чтобы Хэ Юань получил травму и ушел в глубокий затвор? Как раз когда он выйдет — она вырастет, и дело в шляпе!»

Система едва не ушла в перезагрузку от такого предложения.

«Я умоляю тебя, забудь о своих "гениальных" планах! Если ты ранишь Хэ Юаня, он не в медитацию уйдет, а в припадке безумия вырежет весь орден под корень!»

«Твоя правда. Эх, ладно, пойдем по консервативному пути — заберем ребенка с собой»

Чэн Муюнь поднялся, сотворил заклинание сокрытия ауры и незаметно последовал за девочкой.

К вечеру он уже владел всей необходимой информацией. В этой жизни душа героини принадлежала семье Гу — небольшому, но уважаемому клану практикующих.

Семья Гу не хватала звезд с неба, но их наследие было чистым, а репутация безупречной: никаких связей с демонами или темных практик за ними не водилось. Это успокоило Чэн Муюня. Если бы маленькая Гу Ланьцзю оказалась связана с нечистью, он бы ни за что не привел её в орден. Его принципы оставались незыблемыми: если когда-то он запретил Хэ Юаню водиться с демоническими практиками, то и сейчас поблажек не будет.

У Ланьцзю был редкий талант к фехтованию, она была прирожденным Телом Меча. К тому же ей как раз исполнилось пять лет — минимальный возраст для зачисления в крупные ордена. Семья как раз подумывала отправить её на вступительные испытания, просто время еще не пришло.

Всё складывалось идеально. На следующее утро Муюнь, официально представившись адептом Тайсюаня, постучал в ворота поместья Гу.

По дороге он уже набросал в голове сценарий: как устроить Ланьцзю в ордене и как подстроить её встречу с Хэ Юанем в правильный момент. Согласно канонам жанра, тот должен был узнать её с первого взгляда, даже несмотря на перерождение. А дальше — пучина страстей, кармические долги, любовь и ненависть... Муюнь же сможет со спокойной совестью уйти на покой.

Шкала прогресса, сдвинувшаяся с места после встречи с девочкой, лишь подтверждала его правоту.

Глава семьи Гу, узнав о визите гостя из великого ордена, лично вышел встречать его. Чэн Муюня приняли как самого дорогого гостя: лучший чай, изысканные угощения и безграничное почтение. Однако когда он предложил забрать Гу Ланьцзю в Тайсюань прямо сейчас, хозяин дома замялся.

— Старший Юй, боюсь, это будет... непросто.

— В чем же загвоздка? — вежливо уточнил Муюнь.

Глава семьи тяжело вздохнул:

— Дело не в нашем нежелании, поверьте. Просто Ланьцзю — ребенок с характером. Она заявила, что хочет лично посмотреть на разные ордена, прежде чем решит, кому доверить свое обучение.

У талантливых детей действительно было право выбора, и не каждый грезил именно о Тайсюане. Муюнь понимающе кивнул.

Опасаясь обидеть важного гостя, глава клана поспешно добавил:

— Быть может, вы согласитесь погостить у нас несколько дней? Возможно, за это время Ланьцзю передумает.

Чэн Муюнь изобразил мягкую улыбку:

— Что ж, не смею отказываться.

Его поселили в уединенном дворике с прекрасным видом. Закрыв за собой дверь, Муюнь скептически хмыкнул.

«Расчетливые люди. Видят, что я лишь рядовой адепт, и не хотят отдавать ценный кадр задешево. Ждут, кто предложит больше»

«Зачем тогда звали остаться?» — не поняла Система.

«Как "запасной вариант". Если на больших смотрах Ланьцзю вдруг не приглянется великим старейшинам, у них всегда буду я в качестве мостика в Тайсюань»

Муюнь усмехнулся.

«Кажется, роль "запаски" преследует меня по пятам»

«И что ты намерен делать?»

«Ждать. Даже если не уговорю её уйти со мной сейчас, я должен посеять в её детском сердечке семя: если учиться, то только в Тайсюане»

В последующие дни Чэн Муюнь неукоснительно следовал этому плану. Он быстро втерся в доверие к маленькой Гу Ланьцзю и стал её новым другом.

Однажды из бамбуковой рощи в саду поместья донесся звонкий детский смех.

— Старший Чэн, это было потрясающе! Потрясающе! — Ланьцзю в восторге захлопала в ладоши.

Муюнь ловким движением крутанул бамбуковую флейту и заткнул её за пояс. Он с улыбкой присел напротив девочки.

— Путь меча, Ланьцзю, не ограничивается лишь острым клинком. Тот, кто постиг суть Дао, может сделать своим мечом что угодно: цветок, лист, даже простую травинку.

Он пустился в эти объяснения, потому что ранее девочка заявила, что мечи ей не нравятся — они, дескать, некрасивые. Чэн Муюнь не стал спорить, а просто исполнил для неё танец меча, используя обычную флейту.

Его движения были стремительными и легкими, словно полет лебедя или бросок дракона. Он скользил между бамбуковыми стволами с такой грацией, что маленькая Ланьцзю не могла отвести глаз.

— Кажется... я начинаю понимать, — замороженно прошептала она.

Муюнь улыбнулся:

— Тогда позволь мне сделать тебе небольшой подарок.

Глаза девочки вспыхнули интересом:

— Какой?

Он поднялся, прошел вглубь рощи и выбрал подходящий стебель молодого бамбука. С помощью короткого ножа он начал быстро и умело обтесывать дерево. Вскоре в его руках оказался изящный бамбуковый меч длиной в три цуня.

— Держи, — Муюнь протянул ей подарок.

Ланьцзю бережно приняла его:

— Спасибо, старший!

Она несколько раз взмахнула мечом, любуясь формой, а затем любопытно склонила голову:

— Старший Чэн, если мечом может стать что угодно, почему вы всё равно подарили мне вещь в форме меча?

Муюнь прищурился:

— Чтобы весь мир стал твоим мечом, сначала ты должна взрастить меч в своем сердце. А чтобы он там поселился, нужно привыкнуть к тому, что он всегда у тебя в руках. Согласна?

Ланьцзю не до конца поняла смысл слов, но почувствовала в них глубокую мудрость и серьезно кивнула.

«Ну ты и мастер заговаривать зубы, — вставила Система. — Девочка говорит, что не хочет клинков, ты танцуешь перед ней с флейтой, а в итоге всё равно всучил ей меч»

«Это первый урок вступления на Путь меча. Тебе, программе, не понять»

«Я, может, и не понимаю, но есть хорошая новость: шкала прогресса прыгнула до 10%»

У Чэн Муюня заметно поднялось настроение. Тревога, преследовавшая его после встречи с Хэ Юанем, окончательно утихла. Похоже, лучшая стратегия — избегать личных встреч с обезумевшим учеником. Пусть его проблемы решает героиня, а он, как мудрый наставник, просто немного подтолкнет их друг к другу.

Проводив девочку, Муюнь вернулся в свой дворик. Кров над головой окрасился в багровые тона заката. Он принял пилюлю очищения, помедитировал немного, а когда ночь окончательно вступила в свои права, решил наконец-то нормально выспаться.

Игры с детьми утомляли — он невольно вспомнил те далекие дни, когда точно так же возился с маленьким Хэ Юанем.

Очистив одежду заклинанием, он сложил мантию на стул, погасил свечу и лег, закрыв глаза.

В комнате воцарилась тьма, лишь бледный лунный свет едва пробивался сквозь бумагу на окнах.

Спустя какое-то время по комнате пронесся легкий ветерок. Плотная закрытая дверь бесшумно приоткрылась на ладонь.

У кровати возник чей-то силуэт.

Невозможно было понять, когда и как он здесь оказался. Это появление было столь же жутким, сколь и необъяснимым.

Человек замер у изголовья спящего, не шевелясь, подобно идеальному изваянию из холодного нефрита. Если бы Муюнь проснулся в этот миг, его сердце наверняка пропустило бы удар: перед ним стоял Хэ Юань — тот самый человек, который, по его расчетам, должен был пребывать в глубокой медитации в ордене Тайсюань.

Взгляд Почтенного Меча был пугающе спокойным. Он смотрел на Чэн Муюня, и между его бровей залегла едва заметная складка. Он не мог взять в толк — что этот человек здесь задумал?

Мужчина прибыл в Суйнань еще пять дней назад. Он сразу нашел адепта по имени Юй Цзюнь

и неотступно следовал за ним. Сначала тот просто целыми днями просиживал в чайных, напоминая праздного бездельника из богатой семьи.

Но когда появилась Гу Ланьцзю, поведение юноши изменилось до неузнаваемости. Стало ясно: он покинул орден именно ради этой девчонки. Но ради чего?

Странный ученик... Сначала он не отходил от самого Хэ Юаня ни на шаг, целый месяц дежурил у подножия пика Вэньдао, а теперь переключился на ребенка.

Это внимание к маленькой девочке вызывало у гостя странное, почти осязаемое чувство неприязни.

Отец Ланьцзю был неизвестен, она носила фамилию матери, которая, судя по всему, давно почилла. В голову Хэ Юаня закралась мысль: а не была ли эта девочка плодом какой-то старой любовной связи?

Любовная связь... Пытается ли он искупить вину или просто хочет разорвать узы кармы?

Почтенный Меч медленно разжал пальцы, глядя на маленькое бамбуковое изделие на своей ладони. Он и представить не мог, что когда-нибудь опустится до подобного.

Там, в роще, когда он увидел, как Юй Цзюнь дарит девочке игрушечный меч, его самообладание дало трещину. Разум твердил, что это сущая мелочь, не заслуживающая внимания, но тело действовало само: заклинанием он парализовал девочку и её служанку на мгновение и заменил подарок Муюня на бамбуковый клинок собственного изготовления.

И когда эта поделка коснулась его ладони, все подозрения последних дней обрели окончательную форму.

Юй Цзюнь... и его наставник. Между ними была связь.

Этот меч... Точно такой же Чэн Муюнь сделал для самого Хэ Юаня, когда только принял его в ученики. Это был его самый первый урок. В ордене было принято начинать обучение детей с деревянных мечей, но Чэн Муюнь был иным. Он обожал мастерить всякие безделушки из бамбука, чтобы порадовать своего маленького ученика.

Позже наставник сделал для него десятки таких мечей, и Хэ Юань узнал бы этот почерк из тысячи.

Его пальцы непроизвольно сжались, едва не раздавив хрупкое дерево, но в последний миг он ослабил хватку.

Он опустил руку, а затем медленно наклонился над спящим. Его лицо замерло в паре пядей от лица Муюня. Несмотря на густую тьму, он видел каждую черточку, каждую пору на его коже. Его взгляд, тяжелый и осязаемый, медленно скользил от лба к бровям, задерживаясь на губах и линии челюсти.

Он не касался его, но воздух в комнате словно застыл, став густым и неподвижным.

— Учитель... мы не виделись целую вечность, — его голос был тихим и холодным, лишенным всяких красок. Лишь на последних словах в нем прорезались нотки затаенной ярости. — Ваш ученик... и впрямь истомился от безумной тоски по вам.

<http://bllate.org/book/15360/1422931>